

Виктор Астафьев

Тревожный сон

Часть сборника
О любви (сборник)

Виктор Астафьев
Тревожный сон

«ЭКСМО»

1964

Астафьев В. П.

Тревожный сон / В. П. Астафьев — «Эксмо», 1964

«Вальдшнепы перестали тянуть. Все погружается в тревожный весенний сон, и они трое – отец, мать и дочка – идут в свой недостроенный дом по холодной траве. Идут молча, медленно, хотя и озябли, хотя и в тепло, в постель хочется. Обувь темнеет от мокра. Слышно, как под ногами со скрипом лопаются непокорные всходы чемерицы, похожие на свернутый флажок железнодорожника...»

© Астафьев В. П., 1964

© Эксмо, 1964

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Виктор Астафьев

Тревожный сон

* * *

Ружье было засунуто в штанину от ватных спецодежных брюк, еще укутано в детскую распашонку, в онучи и разное лоскутье, промасленное насквозь. Когда Суслопаров распеленал ружье из этого многослойного барахла и оно растопырилось двумя курками, желтыми от старого густого масла, Фаина как бы издалека спросила:

– Заржавело небось?

Суслопаров хотел сказать: посмотрим, мол, поглядим – и уже взялся обрубком пальца за выдавленный рычажок замка, собираясь открыть ружье, но тут до него дошло – в голосе, которым Фаина спрашивала, нет огорчения и сожаления нет, что ружье заржавело и она потерпит убыток. А есть в этом голосе надежда, чуть обозначившая себя, но все же прорвавшаяся.

«Ну зачем оно тебе, зачем?» – хотел сказать Суслопаров и не сказал, только быстро взглянул на Фаину и опустил глаза.

Фаина стояла, прислонившись поясницей к устью русской печи, опираясь обеими руками на побеленный шесток, готовая в любую минуту забрать ружье, положить его обратно в сундук. Во взгляде ее, открытом и усталом, было одновременно и смятение, и покорность, и все та же надежда, что все обойдется, все будет как было, и в то же время во взгляде этом, не умеющем быть недобрым, таилось отчуждение, даже враждебность к нему, Суслопарову, который может насовсем унести ружье.

Суслопаров давил на рычажок, так и не подняв глаз. Ружье с хрустом открылось. Суслопаров, скорее по привычке, а не для чего-либо, заглянул в стволы, потом, пощелкивая ногтем, прошелся по ним, вдавил в отверстия ладонь и посмотрел на синеватые вдавыши на буграх ладони, как на сельсоветскую печать. После всего этого он шумно дохнул на тусклую от масла щеку ружья и вытер ее рукавом. Еще дохнул, еще вытер, и серебристая щека ружья бросила веселого зайца в избу.

Фаина поняла, что это последняя, далеко уже не главная прикидка к вещи, что участь ружья решена, и с нескрываемым сожалением вздохнула:

– Ружье без осечки. Теперь таких уже не делают.

И Суслопаров, лучше, чем она, знающий это ружье и тоже почему-то убежденный, что до войны ружья делали лучше, в тон ей добавил:

– Да, теперь таких нету. Потому и беру. – И, спросив тряпку, как бы окончательно отмел все возможные попытки Фаины к сопротивлению.

Фаина почти сердито, издали бросила ему пегую от стирки онучу и села на табуретку возле окна с мотком ниток, натянутым на ухват.

Она сматывала шерстяные нитки, то и дело промазывая мимо клубка, сматывала, остановившись взглядом на окне.

Суслопаров досуха в каждой щелке и скважине протирал ружье и всецело отдался этому занятию, едва сдерживая далеко затаившуюся охотничью дрожь. Руки металась по ружью, гладили его, по избе прыгал заяц, и раза два он угодил в глаза Фаине. Она досадливо морщилась и взглядывала в сторону Суслопарова. Но тот увлекся, ничего не замечал вокруг. Душа его в эти минуты была полна охотничьими предчувствиями, голову тревожили воспоминания, и он горевал по-мужицки обстоятельно и по-русски щемливо, как будто обидел кого или его обидели.

Ружье это они покупали с мужем Фаины, Василием, его другом детства, в одна тысяча девятьсот тридцать восьмом году. Покупали в только что построенном магазине Лысмановского леспромхоза. Василий тогда работал в тарном цехе на круглой пиле и года два как был женат на Фаине, тоже работавшей в тарном цехе и тоже на пиле, только на двуручной: тяни к себе – отдай напарнику.

Василий, как в праздник, надел новое полупальто, только что подшитые валенки, оставляющие на снегу мелкую, с просыное семя, строчку, и вместе с Суслопаровым подался в магазин. Там они с пристрастием и дотошностью выбирали это ружье из десятка таких же замазученных, смертельно чужих двустволок.

Наконец отложили одну.

Народу в этой поре у прилавка скопилось уже дивно. Василий, сунув руку глубоко за пазуху, стиснул там деньги и даже малость побледнел, готовый вынуть их, эти деньги, или не вынимать. Но оторвать взгляда от ружья он уже не мог и раздумывать был уже не в силах. Заручаясь поддержкой, вытаращил глаза на дружка своего Суслопарова и с натугой выдохнул:

– Ну?

У Суслопарова не хватило духу ответить сразу. Он развел руками, с вопросительной улыбкой глядел на людей, на продавца, на Василия. Уж кто-кто, а он-то до глубины понимал важность момента.

Это он вместе с Васькой еще парнишкой мастерил деревянные ружья и пулял из них по чему попало, разил зверье, птиц и людей наповал. Стали школьниками, вместе же смастерили поджиг, добрый поджиг: ствол из латунной трубки, ручка – сухая береза, окованная жестью от консервной банки. Ствол туго-натуго набили спичками и еще порошу щепотку натрясли из старой коробки, чтоб уж жажнуло так жажнуло. Пальнуть хотелось каждому. Тянули жребий.

Васька вытащил короткую спичку.

Суслопаров, зажмурившись, ширкнул коробкой по спичке, приложенной к дырке в трубочке, – и тут как жажнуло, что пистоля вместе с пальцами Суслопарова, зацепив еще половину уха, разлетелась в разные стороны. Остались на правой руке Суслопарова три колышка вместо пальцев и синяя сыпь по щеке от пороха.

Но это нисколько не подействовало на него. Вырос он и стал таскаться с пистонками, должно быть еще пугачевских времен, разными обрезами, берданками, от которых все чего-нибудь отваливалось и которые не стреляли. Ружье настоящее он пока еще видел только во сне и потому был растерян даже больше, чем Василий.

Но он был в эту минуту всего-навсего сватом – не женихом. А у свата, как известно, ответственность совсем не та, что у жениха. Потому Суслопаров решительно хватил кулаком по прилавку так, что заговорили тарелки на весах:

– Берем!

Они несли по поселку ружье гордо, как носят женщины бесценного первенца. Широкое, стесанное клином у бороды, наподобие штыковой лопаты, лицо Василия сияло, и по нему пробегали разные хорошие чувства – и довольность собою, и отчаянность, и вдруг накатывающий испуг: шутка ли – ведь возврата вещей в казенной торговле нету... Но испуг гасила закипевшая любовь к этому, пока еще не обтертому, не обстрелянному, еще шибко лаковому, шибко вороному ружью.

– Жена! Отворяй ворота! – закричал на весь барак Василий, и чистенькая, ладненькая Фаина, давно уже проглядевшая окно (на покупку ружья ее, как бабу, из суеверных соображений не взяли), выскочила в коридор, где было много дверей, а ворот никаких не было.

– Мамошка моя родная!.. – охнув, прижала руки к груди Фаина.

Она знала, что ружье принесут. Она вместе с Васей своим копейка по копейке, рубль по рублю откладывала на него, и все же покупка эта казалась ей далекой, почти неосуществимой. А тут на тебе! И во взгляде Фаины, в ее голосе – неподдельный испуг, потому что выросла она

в семье небедовой, где никаких ружей, никакой пальбы сроду не бывало, а тут такая гремучая силища поселится в их комнатухе, да еще над кроватью. Вдруг пальнет! Ружье-то и незаряженное, говорят, раз в году стреляет. Да и Василий очень уж пугать ее любит. Вон и сейчас сияет, доволен, что вбил в испуг. Но опять же он твердит, что без ружья, без охоты жизни не понимает. Она и сама видит, не слепая – не хватает чего-то человеку, томится он, а ей мнится, что от недостатков это ее женских каких-то.

Суслопаров с Василием внесли ружье в комнату, терли его подолами и рукавами чистых рубах, дышали на него, опять вытирали, взялись, как дети, курками щелкать. Фаина вздрагивала при каждом щелчке, ожидая, когда пальнет. Мужики забыли о ней совсем, подолгу глядели в стволы, отыскивая какие-то три тeneвых кольца, а их оказывалось то два, то вовсе ни одного, спорили, ругались, снова глядели, зашурив один глаз.

У Фаины шевельнулось ревнивое чувство к ружью.

Суслопаров, крупный парень с большой головой, с большими руками и с маленьким носом, еще не был пока женат и ружья не имел, но держал старшинство. Заметив упавшее настроение Фаины, он пробасил важно Василию, готовому теперь, по подозрению Фаины, не только днем, но и ночью обниматься с ружьем:

– Все! Дело за пристрелкой.

Фаина колдовала у плиты над сковородкою, в которой швырчала картошка. Суслопаров, глядя на окатистую спину Фаины и смутно представляя, какие чувства могут происходить с мужчиною, если обнять такую фигуристую бабенку, значительно проговорил:

– Береги ружье! Оно, как жена, на уход и ласку добром тебе ответит! – Сказал и подвинулся к столу.

Мужики выпили маленько и пошли на Лысманиху с ружьем и патронами. Палили там в торцы бревен и в старый таз. Вернулись довольные собою и всем на свете. Еще мало ношенная кепка Василия была, как терка, в дырках, и на завтра в цехе Василий всем показывал эту кепку, бахвалился. Мужики одобрительно трясли головами, прищелкивая языками: «Кучно!», «Резко!», «Дает!», «Сыплет!» – и всякие слова добавляли.

О Фаине Василий как будто совсем забыл, и вдруг возникшее отчуждение мужа повергло Фаину в обиду, готовую привести к слезам. Василий и раньше не очень-то обращал на нее внимание в цехе, на работе, при людях, в особенности при мужиках. Нежнее, чем Файка, не кликал и вообще по возможности редко встречался тут с нею и держался предельно сурово. Но Фаина-то знала, что на самом деле он ручной, ласковый. Дома зовет ее Фаинушкой, приспичит, так и Фаюшкой, и горошинкой, и синичкой, и такие слова говорит, какие под страхом казни в другом месте другому человеку никогда не скажет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.